

The background of the entire page is a repeating pattern of red roses with black outlines and black branches with small leaves. The roses are in various stages of bloom, and the branches are winding across the page.

Рыжова Людмила

РОЗОВЫЙ СНЕГ

16+

Людмила Рыжова

Розовый снег

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Рыжова Л.

Розовый снег / Л. Рыжова — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Фантастическая любовь из загробного мира... Что это: сон или реальность?
Она поймет это лишь спустя три года в День своего рождения...

РОМАН

ПАМЯТИ МОЕГО ПОГИБШЕГО МУЖА СЕРГЕЯ РЫЖОВА ПОСВЯЩАЕТСЯ...

Кажется, что нет ничего более странного, чем торопить жизнь: каждый день, каждую минуту, ожидая, что в следующее мгновение произойдет что-то необычное, волнующее и прекрасное. Но мгновения сливаются в годы, а чуда не происходит. Мы медленно и неуклонно проживаем жизнь, не цenia того, что она нам дарит. Но когда чувствуешь, что следующее дыхание будет последним, хочется все вернуть назад, потому что так много не успел, не оценил, не понял, не увидел, но – настоящему так и не почувствовал. Но уже поздно, потому, что самое главное, что нам даровано – наше существование в этом бренном мире – закончилось.

Зачастую мы слишком поздно это осознаем, когда пути назад уже нет.

Но иногда, совсем редко, нам выпадает второй шанс. И главное – его не упустить.

Глава 1

Она открыла глаза и сразу ощутила дикуую усталость. Но это было вовсе не из-за того, что накануне она много работала. Эта была какая-то особая тяжесть: во всем теле, на душе, в мыслях, которая копилась годами, подкрепляемая негативным состоянием. И выплеска этому не было, потому что именно оно было тем неустанным двигателем, который толкал её вперед, не давая остановиться и перевести дух. Она делала только то, что должна была делать, боясь остановиться, боясь задуматься, потому что дико боялась одного – мыслей, от которых все это время бежала, своих воспоминаний и чувства собственной беспомощности. Все проплывало как в тумане под грифом «надо». При этом она не имела даже конкретной цели, просто заставляла себя двигаться вперед, чтобы не останавливаться и не о чем не вспоминать. Это была какая-то роль, написанная ею самой, хотя она не знала, что будет на следующей странице. По настоящему было только одно: она безумно любила своих детей, боялась чего-то не успеть им дать в жизни, и, считая себя постоянно в чем-то виновной, готовая раствориться в своих чадах без остатка, не требуя ничего взамен.

За окном ярко светило солнце, день обещал быть великолепным, в открытое окно веяло свежей прохладой. Сегодня был выходной, не надо было рано вставать. Она хотела понежиться в постели, потянувшись и наигранно сладко зевнув. За последние годы для себя она уяснила только одно: жизнь – мозаика, и, не смотря на то, что пазлы заранее подготовлены, все же есть шанс сложить их в нужной тебе вариации. Для этого нужно только настроить себя так, как тебе хочется, начиная с самого малого – со своего настроения. Поэтому она мило сама себе улыбнулась и еще дремавшим голосом промурлыкала «доброе утро!». Не было ни малейшего желания вставать, но и нежиться в постели тоже не хотелось. Не хотелось ничего, и она знала такое состояние: если не встать сейчас и не найти себе занятие, то придет обыкновенная апатия, а за ней и нудная безвыходная депрессия. Поэтому она встала, набросила легкий шелковый халат, и на ходу завязывая пояс, вышла в кухню. Там всегда была летом открыта оконная створка, за исключение плохой погоды. Поэтому пол в кухне был прохладным, и это приятно ощущали босые ноги, хотя по телу пробежал небольшой озноб, от которого она немного поежилась,

обняв себя руками. Она проверила воду в электрическом чайнике и, убедившись, что её достаточно, щелкнула рычажок. Почти сразу послышался легкий нарастающий шумок от нагревающейся воды, который постепенно становился все более громким. Тем временем она сняла с подставки большую ярко синюю чашку и поставила её на такое же яркое, но желтое блюдечко. Это была посуда из разных наборов, которые она намеренно распарила, поскольку обожала сочетание желтого и синего. Это её успокаивало и настраивало на рабочий ритм одновременно. Открыв дверцу шкафа, она достала кофе и насыпала его в чашку от души, поскольку считала этот напиток призванным бодрить, что он мог делать только в больших дозах, что и подтверждали размеры чашки. Кофе был растворимым, но она не пользовалась натуральным лишь потому, что считала его приготовление лишней тратой времени, хотя и признавала, что бодрит он гораздо лучше растворимого.

Чайник вкрадчиво щелкнул и потух. Она налила горячей воды в чашку и вдохнула приятный кофейный запах, который тут же клубами пара стал подниматься из чашки. Взяв ароматно струящийся напиток под блюдечко, она села за обеденный стол напротив окна. Это была не случайная планировка местоположения стола. Когда она ела, ей нравилось смотреть на улицу, за окно, даже если там ничего не происходило, или даже если шел дождь. В такие моменты она позволяла себе ни о чем не думать, и от этого становилось немножечко теплее и уютнее на душе. Вот и сейчас она пустым взглядом смотрела в окно: на то, как по небу плыли далёкие облака, качались ветви деревьев, порхали маленькие птички. Она переводила взгляд с одного предмета на другой, но делала это механически, воспринимая лишь общую картину отрешенности. И если её спросить, что она тогда видела, она не ответила бы.

Теплый кофе разливался по всему телу приятной истомой, и она пила медленно, наслаждаясь каждым глотком. Это были редкие минуты, когда она позволяла себе не спешить, за исключением времени, посвященного детям.

Глава 2

За окном уже давно расцвело, и жаркое июльское солнце даже начинало припекать, несмотря на начало дня. Но, тем не менее, её силуэт на фоне ярко освещенного окна казался немного оттененным, и тем отчётливее можно было рассмотреть черты её фигуры. Ей было уже 34 года, она многое тянула на своих плечах в одиночку, но стан её от этого не стал менее стройным и привлекательным. Черты лица её были достаточно тонкие с аккуратным изящным подбородком. Глаза с большими зрачками в радужной оболочке серого цвета, но обрамленные чёткими зелеными лучиками, что придавало им некую гипнотичность и очарование. Но если не вглядываться в их цвет, первое, что приходило на ум, их глубокая грусть. Длинные темно-русые волосы слегка завивались, но она их, в основном, носила убранными в аккуратную прическу. Но один нижний локон всегда выбивался из этой прически и, как-то по-детски, игриво лежал у неё на шее. Она каждый раз пыталась с ним справиться, закалывая его. Но он все равно настойчиво топорщился, а потом тихо выбирался наружу и занимал свое «законное» место на шее.

Несмотря на свой достаточно жесткий характер, она была очень ранима в душе. Её легко было обидеть. При этом она не помнила долго этих обид и быстро отходила. Она никогда не была конфликтным человеком. Но если дело касалось её детей, она превращалась в некую разъяренную кошку, которая, несмотря на свои размеры, могла вцепиться в многотонного исполна.

Она никогда не щадила себя и не боялась физической работы. И результат этой работы в её понятии должен был быть только один: деньги, на которые она могла бы купить маленький кусочек счастья своим детям. Наверное, это было следствием того, что её материальный недостаток был скорее недостатком, несмотря на её старания. Разрывать себя одну на двоих детей

было весьма нелегким занятием. Но, глядя на то, как брат с сестрой играют, как они радуются обновкам, пусть и скромным, ей становилось гораздо теплее на душе. Она понимала, что усилия потрачены не напрасно. Часто она думала, что было бы с ней, если бы не было детей, и понимала, что просто пропала бы.

Глава 3

Когда она встала, было еще достаточно рано, и дети спали. Но за размеренным завтраком, который состоял из одного лишь кофе, она не заметила, как пролетело время. Из детской спальни послышалось сначала какое-то копошение, а потом приглушенный шепот:

– Ты куда собралась, пускай мама поспит.

– Я хочу первой её поздравить с Днём рождения!

– Подожди, мы же вчера договорились, что сделаем ей утром сюрприз, но только когда она проснётся.

– Так нечестно. Я девочка, и я – маленькая. Мне нужно первой.

Дальше послышалась опять какая-то возня. По всей видимости, брат пытался удержать сестру, но, учитывая её генетическую настырность, она явно не хотела уступать.

Людмила улыбнулась, поставила тихо чашку на стол и на цыпочках подошла к двери.

– И что здесь за мышиная возня?! – улыбаясь, спросила она, подглядывая в слегка приоткрытую дверную щель.

Дети, услышав голос матери, перестали спорить и обернулись в сторону двери, но никого не увидели, и в глазах промелькнуло легкое недоумение.

Людмила открыла дверь и, улыбаясь, вошла в комнату. Дети сорвались с места и бросились к ней.

– С Днём рождения, с Днём рождения! Я первая, я, я, я! – кричала на ходу Снежана, с разбега обнимая мать за талию и подпрыгивая, чтобы поцеловать её.

Людмила взяла её на руки и сама поцеловала.

– Спасибо, моя маленькая.

Влад подошел более степенно, к чему обязывал его возраст.

– С Днем рождения мам! Я тебя люблю.

– Спасибо, мои хорошие, – Людмила обняла их сразу обоих, от чего Снежана тут же закопошилась у неё в руках, пытаясь выкарабкаться.

– Мам, ты что, я же раздавлюсь!

Маленькой, с огненными рыжими волосами девчушке было всего три года, но, учитывая, что она была похожа на отца не только внешне, но и всем своим крошечным внутренним мирком, с ней было порой очень тяжело сладить. Несмотря на своё миленькое личико, которое, по идее, должно было указывать на кротость души и нрава, характер у неё был как маленькая льдинка. Она могла больно уколоть, но таяла от любой ласки. В своих детских убеждениях она стояла на своём до последнего, даже если при этом знала, что за свою своенравность может поплатиться очередной покупкой игрушки. Хотя Люда была слишком мягкой в этом ракурсе, и не купленная в срок игрушка потом всё равно попадала к потенциальной владелице в её маленькие загибающиеся ручонки. Но, надо отдать должное – Снежана была в душе всё же очень добрым человечком и, как бы «исподтишка» пыталась в чём-то угодить матери, например, нарисовать её портрет, что, по сути, являлось её любимым занятием. Портреты мамы, брата и самой Снежаны были развешаны, разложены и спрятаны где только можно в необъятном количестве. Правда, на первый взгляд, сложно было сразу определить, где какие части тела находятся, и кому принадлежит шедевр. Но всё равно, Людмиле было очень приятно, когда дочь бежала со всех ног, сотрясая воздух очередным творением. Затем она мостила на коленях у матери и в ярких образах, переворачивая порой слова до неузнаваемости, начинала рас-

сказывать, кто был запечатлен на измятом альбомном листе. Неизменным в её картинках оставалось одно: если к руке Снежаны было пририсовано большое цветное пятно, это означало только одно: её за руку держал папа. Она так и не успела его увидеть, но он представлялся её яркой звёздочкой, потому что жил на небе, но иногда спускался на ночь, совсем ненадолго, чтобы поцеловать её перед сном. Каждый раз, когда Снежана доставала альбом с фотографиями, Люда уходила в другую комнату, чтобы дочь не видела её слез. Оттуда она слышала, как дочь лепетала:

– Папа...ещё один папа... и вот... тоже папа...

При этом был слышен легкий шелест альбомных листов, и Людмила знала, что в этот момент Снежана тычем маленьким пальчиком в лицо на фотографии и улыбается.

Со дня его смерти прошло уже три года, но Людмиле казалось, что это было так давно и, одновременно, так недавно.

Влад не был ему родным сыном, но эту потерю он переживал безумно болезненно. Особенно первое время после похорон, когда Люда оставалась вдалеке от посторонних глаз, она обнимала фотографию мужа и долго мысленно с ним разговаривала, просила прощения за то, что сделала не так, а главное за то, что так и не успела для него сделать. Слезы сами собой лились из покрасневших опухших глаз, а мысли были далеко от этого брэнного мира. Как раз в такие моменты её и мог застать сын, который украдкой подходил сзади, обнимал её за шею, и она чувствовала, как его слезы капаят ей на кожу. И только это заставляло её собраться с последними силами, спрятать свои слезы и, обнимая Владика тихо шептать ему, как дяде сейчас там хорошо, а главное, не больно.

Влад по своей натуре абсолютно отличался от Снежаны в силу того, что его сестра была очень доброй в душе, но старалась это не показывать, как бы стыдясь этого и считая слабостью. Хотя, наверное, нельзя говорить о таких глобальных мыслях у трехлетней девочки. Влад же, напротив, был очень мягким и достаточно ранимым ребенком, поэтому мать его всегда учила идти чуть ли не по головам чужих людей, чтобы постоять за себя. При этом Люда всегда делала акцент на том, что единственной святыней в жизни человека должна быть семья и только там можно умирить свой пыл и гнев. Но, несмотря на это, Влад был очень добрым и, порой даже безвольным человечком почти со всеми, безропотно доверяя всем и каждому.

Одним словом, дети были разными во всем кроме одного: они были безумно любимы своей матерью.

... Да, День рождения. Люда никогда не любила этот «праздник», так же, как и Новый год. Наверное, потому, что в глубине души еще с детства лелеешь надежду, что должно произойти что-то волшебное. Но в реальности сталкиваешься с обыденной «праздничной рутинной»: приготовлением всяческих салатов, тортов и головной болью на следующее утро от недосыпания и звона очередной разбившейся надежды на чудо.

Но, тем не менее, сейчас было особенно приятно, что в этом мире есть два маленьких человечка – твои дети – которые совершенно искренне, поздравляют тебя с этим днем. И вовсе не потому, что так принято, а потому, что они любят тебя просто за то, что ты есть.

Снежана водрузила на шею матери длинную цепочку бумажных бус, склеенных из коряво вырезанных картонных шариков.

– Это тебе. Ты у меня самая, самая красивая, как прицивишна.

(«Прицивишна» – это было одно из слов – перевёртышей, которыми пестрил словарь Снежанки. Оно было бережно возвращено и взлелеяно ею из двух слов: «принцесса» и «королевишна»).

Влад протянул маленький сверток, запакованный в яркую салатовую подарочную бумагу с большим жёлтым бантом.

– А это тебе от меня, – сказал он, целуя мать. При этом он не спешил уходить и, как будто, чего-то ждал, несколько сконфуженно топчась на месте. Людмила прекрасно понимала, чего он ждет в ответ.

– Спасибо, мой родной, – она обняла сына и прижала его к себе.

Несмотря на старания матери сделать сына более brutальным, Влад в свои 12 лет оставался нежным и ранимым ребенком, и главным поощрением для него была нежность со стороны матери.

Увидев подарок брата, глаза у Снежанки жадно загорелись.

– Ой, какой цветочек! Мама, дай!

– Подожди. Сейчас мама аккуратно развернёт, и мы тебе подарим цветочек, да, Влад?

Он несколько виновато улыбнулся и утвердительно кивнул. Мать знала о его некоторой ревности к сестре, которая, впрочем, не была негативной.

Под яркой упаковкой оказался кулон «ин – ян» – расколотый на две части черно-белый круг, каждая половинка которого висела на разных цепочках. Как правило, эти половинки предназначались разным людям и символизировали их душевное родство и единение.

– Какую ты хочешь себе? – спросил Влад мать, беря из её ладоней обе цепочки.

– Ты у нас мужчина, значит тебе – темную, согласен?

– Давай я тебе одену.

Он застегнул на шее у Людмилы тонкую цепочку с белоснежной половинкой кулона.

– Теперь мы всегда вместе.

– Мы и были вместе. Даже когда ты вырастешь и уедешь далеко от меня, всё равно ты и Снежана будете для меня самыми дорогими людьми на свете.

Она снова обняла своих детей и прижала к себе.

– Ну, мама, цветочек поломаешь... Смотри, ты пчёлка, – Снежанка ткнула праздничным бантом в нос Людмиле, – вз-вз-вз... вкусный цветочек?

– Да, очень. Только ты тоже тогда маленькая пчёлка, а Владик – пчёл.

– Мы все пчёлы, – засмеялась Снежка. Но потом, вдруг засомневаясь, спрятала бант за спину, – ага, вас много, а цветочек один. Сейчас совсем его занюхаете.

Она соскользнула с колен матери и убежала на кухню.

– Ма-ма, – послышалось оттуда, – дай мне водички.

Людмила вышла на кухню

– Зачем тебе водичка, пить захотела?

– Цветочку. Только в мисочку, он будет там плавать.

Людмила набрала воды в неглубокую миску и поставила на стол, за которым уже восседала Снежанка, что-то шепотом лепеча бантику. Она аккуратно положила «цветочек» в воду и запела:

– Расти, расти цветочек... А я буду пчёлкой... Вз-вз-вз, – она тыкала пальчиком в бант, отчего тот слегка нырял под воду при каждом прикосновении «пчёлки».

– Так! У меня, кажется, День рождения, поэтому праздничный завтрак никто не отменял. Па-бам! – Людмила достала из холодильника небольшой торт с очень аппетитными цветами непонятного рода и происхождения.

– Смотрите, семейство пчёл, вот вам ещё целая поляна цветов. Кому чай, кому сок?

– Сок! – хором прокричали, улыбаясь, дети, а Снежанка уже хотела ткнуть пальцем в цветок на торте.

– Нет, дружок. Эти цветочки опылять не надо. Их надо кушать вместе с тортом, потому что они волшебные и, когда ты вырастешь, то научишься летать, как настоящая пчёлка.

– И ты научишься, и Владик?

– Конечно, мы все вместе будем летать и нюхать самые красивые цветы на поляне.

– Нет, – вдруг загадочно выдала Снежанка, – я буду маленькой пчёлкой, а вы – большими. А таких больших цветищей не бывает.

– Чего не бывает, – засмеялся Влад,

– Цветищей... ну, цветочков, только больших, больших.

– Да, Снеж, только ты можешь это придумать.

Но Снежанке было уже всё равно мнение и брата, и матери, потому что она уже всю уплетала отрезанный для неё кусок торта, предварительно конечно слизав с него большой красный цветок. Потом она окунула свой любопытный носик в стакан с соком и забулькала, старательно выдувая пузырьки в поднимающуюся пену.

– Снеж, ну хватит булькать, – не вытерпел после очередного булька Влад.

– А я – русалка. Я плыву.

– Ты же пчёлка.

– А теперь я русалка.

– У русалок есть хвосты, а у тебя нет.

В ответ последовала немая пауза. Было видно, что Снежана была в некотором недоумении и не нашлась, что сразу ответить, несмотря на свой достаточно острый язычок. Потом она немного подумала и выдала с неподдельной серьёзностью:

– А я пока маленькая. Вот вырасту, и у меня будет длинный – предлинный хвостище.

– Тогда тебя рыбаки поймают за твой хвостище, вместе с твоим цветищем, – засмеялся

Влад.

– А вот и нет, я от них уплыву.

– А они...

В разговор вмешалась Людмила, всё это время с любопытством наблюдавшая со стороны.

– Владик, перестань. Ты же знаешь, что не переспоришь её никогда. Сейчас она придумает, что будут акулой и съест корабль с рыбаками. Да, пчёлка?

Д-а-а! – довольная подсказкой протянула Снежана. – А еще...

– А еще ты доешь свой торт и пойдешь смотреть мультики, – оборвала её мать.

Снежанка надула губы.

– И не дуйся. Чтобы вырасти большой пчёлкой и русалкой, нужно кушать.

Этот аргумент всегда действовал, и маленький рыжий комочек стал с двойной силой уплетать торт, запивая соком, даже уже без бульканья.

– Мам, а я потом погуляю, хорошо? – спросил Влад.

– Ладно.

Никогда никакого торжества Люда в свой День рождения не устраивала, а наоборот, старалась заняться обыденной рутинной, и сын это знал. Поэтому праздничное утро постепенно перетекало в банальный день, и Люда уже планировала, что она сегодня сделает.

ГЛАВА 4

Работы хватало всегда. А когда имеешь на руках двух детей и воспоминания о погибшем муже...

... В памяти всплыли строки, написанные ею самой:

*Должны расстаться мы с тобой,
Должны забыть о первой встрече,
Должны оставить сладкий мир,
Где я любила каждый вечер.*

Ты воздух был, чем я дышала,

*И теплый океан, в котором я жила,
Ты для меня был всё, всё с самого начала,
Но ты разрушил то, что я так берегла.*

*Ты уходил тогда, когда в тебе я так нуждалась,
И уносил с собой истерзанное сердце и покой,
Ты оставлял меня тогда, когда, когда я так боялась
Остаться в одиночестве с собой.*

*Теперь ушёл ты безвозвратно,
Мне никогда не выстрадать ту боль,
Когда проклятый взрыв унёс тебя куда-то,
В лохмотья кожу распоров.*

*Мне разум говорит, что всё это – пустое,
Что надо позабыть и больше не любить,
Но сердце стонет, стонет у причала,
К которому ты должен вновь приплыть.*

... Дети были заняты своими делами, и Людмила, скрывшись от посторонних глаз, села на диван, укутавшись пледом, поджала под себя колени, обняла их руками и... её мысли унеслись в очередной раз далеко, туда, где было всё по-другому, где они были ещё все вместе. Она снова и снова переживала мысленно всё с самого начала, трепетно стараясь вспомнить каждую минуту, каждый миг. Только оставшись без НЕГО, она поняла смысл уже давно знакомой, но не оценённой в свое время фразы: «Прошлое – забыто, будущее – закрыто, настоящее – бесценно».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.